

Менуэт / новелла

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Менуэт / новелла МЕНУЭТ

Полю Бурже.

– Великие бедствия нисколько не печалят меня, – сказал Жан Бридель, старый холостяк, слывший за скептика. – Я видел войну воочию и, не испытывая жалости, шагал по трупам. Грубая жестокость природы и людей может исторгнуть у нас крик ужаса или негодования, но она вовсе не способна ущемить сердце и вызвать пробегающую по спине дрожь, подобно тому как это бывает при виде некоторых раздирающих душу мелочей.

Самое сильное горе, выпадающее на долю человека, – конечно, потеря ребенка матерью и утрата матери взрослым человеком. Это горе жестокое, ужасное, оно потрясает нас целиком, раздирает душу; но от этих катастроф выздоравливают, как о поверхностных кровоточащих ран. Между тем иные встречи, иные едва подмеченные или угаданные события, иные потаенные горести, иные вероломные удары судьбы, пробуждая в нас целый рой печальных мыслей, внезапно приоткрывая перед нами таинственную дверь нравственных страданий, сложных, неисцелимых, тем более глубоких, чем они кажутся безобиднее, тем более мучительных, чем они кажутся неуловимее, тем более упорных, чем они кажутся менее естественными, оставляют в нашей душе некий след печали, привкус горечи, ощущение разочарования, от которого мы долго не можем освободиться.

Мне постоянно вспоминаются два – три случая, которые, вероятно, вовсе не были замечены другими, но в моей душе оставили тонкие, глубокие и неизлечимые уколы.

Вы не поймете, пожалуй, того чувства, которое осталось у меня от этих мимолетных впечатлений. Я расскажу вам только об одном из них. Оно очень давнее, но еще так свежо в моей памяти, словно это произошло вчера. Возможно, что своей умиленностью я обязан только воображению.

Теперь мне пятьдесят лет. Тогда я был молод и изучал право. Немного мечтательный, немного грустный, проникнутый какой-то меланхолической философией, я не любил ни шумных кафе, ни крикунов-товарищей, ни тупоумных девиц. Я вставал спозаранку, и одним из самых больших моих наслаждений были одинокие прогулки часов в восемь утра в питомнике Люксембургского сада. Знали ли вы, люди нового поколения, этот питомник? Он походил на забытый сад прошлого века и был прелестен, как кроткая улыбка старушки. Густые ряды кустов обрамляли несколько узких правильных аллей, тихих аллей, тянувшихся между стен ровно подстриженной зелени. Большие ножницы садовника беспрерывно выравнивали эти перегородки из древесных ветвей. Местами попадались цветочные клумбы, грядки с молодыми деревцами, выстроившимися, словно школьники на прогулке, купы роскошных розовых кустов и шеренги фруктовых деревьев.

Один из уголков этой восхитительной, рощи был населен пчелами. Их крытые соломой домики, умело размещенные на досках, открывали навстречу свои дверцы величиною с отверстие наперстка, и повсюду вдоль дорожек попадались жужжащие золотистые пчелы, подлинные хозяйки этого мирного уголка, истинные посетительницы этих спокойных аллей-коридоров.

Я приходил туда почти каждое утро, садился на скамью и читал. Временами я ронял книгу на колени, отдаваясь мечтам, прислушиваясь к окружавшей меня шумной жизни Парижа и наслаждаясь бесконечным покоем этих старомодных грабовых аллей.

Вскоре, однако, мне пришлось заметить, что не один я спешу туда, как только отпираются ворота. В густом углу сада мне иногда случалось встречаться носом к носу с одним странным маленьким старичком.

На нем были башмаки с серебряными пряжками, штаны до колен с бантами, сюртук табачного цвета, кружевное жабо вместо галстука и невероятная, допотопная серая шляпа с широкими полями и длинным ворсом.

Он был худ, очень худ, угловат и поминутно гримасничал и улыбался. Его живые глаза не знали покоя и бегали под непрестанно двигавшимися веками; он не выпускал из рук

великолепную трость с золотым набалдашником, с которой, очевидно, у него было связано какое-то дорогое воспоминание. Этот человек сначала удивил меня, а потом чрезвычайно заинтересовал. Я стал наблюдать за ним через стену зелена, следуя издали, останавливаясь на поворотах рожиц, чтоб не быть замеченным.

И вот как-то утром, когда ему казалось, что он совсем один, он начал делать странные движения: сначала несколько маленьких прыжков, затем глубокий поклон; далее своей худой ногой он еще бодро проделал трудное антраша, потом начал ловко вертеться, подпрыгивая, забавно суетясь, улыбаясь, словно перед публикой, делая грациозные движения, округляя локти, извиваясь всем своим жалким телом марионетки и посылая в пустоту умильные и смешные поклоны. Он танцевал!

Я стоял в полном изумлении, спрашивая себя, кто из нас сошел с ума — я или он?

Но вдруг он остановился, выступил вперед, как актер на сцене, потом поклонился, отступая с любезными улыбками и посылая дрожащей ручкой поцелуи двум рядам подстриженных деревьев.

Затем он степенно продолжал прогулку.

С этого дня я уже не упускал его больше из виду, а он каждое утро повторял свои необыкновенные упражнения.

Меня охватило безумное желание заговорить с ним. Я набрался смелости и, поклонившись, сказал:

— Хорошая погода сегодня, сударь!

Он тоже поклонился.

— Да, сударь, совсем как в былые времена.

В конце недели мы были уже друзьями, и я знал его историю.

Он был преподавателем танцев в Опере во время короля Людовика XV. Великолепная трость была ему подарена графом де Клермоном. А когда с ним заговаривали о танцах, он начинал болтать без умолку.

И вот что однажды он доверил мне:

— Я женат на знаменитой Кастри, сударь. Я ей представляю вас, если вам угодно, но она приходит сюда позднее. Видите ли, этот сад — наша радость, наша жизнь. Это все, что нам осталось от прошлого. Нам кажется, что мы не могли бы существовать, если б

его у нас не было. Здесь все так старо и так почтенно, не правда ли? Мне кажется, что здесь я дышу воздухом моей юности. Мы с женой проводим здесь все послеобеденное время. Но я прихожу сюда с самого утра, так как встаю рано.

Едва покончив с завтраком, я поспешил вернуться в Люксембургский сад и вскоре заметил моего друга, церемонно выступавшего под руку с маленькой старушкой, одетой в черное, которой я и был представлен. То была Кастри, великая балерина, любимая некогда принцами, любимая королем, любимая всем этим галантным веком, как бы оставившим после себя в мире аромат любви.

Мы сели на скамью. Был май. Благоухание цветов разносилось по прибранным аллеям; ласковое солнце, проскальзывая сквозь листву, покрывало нас крупными пятнами света. Черное платье Кастри, казалось, было насквозь пронизано сиянием.

В саду было пусто. Издали доносился шум проезжавших фиакров.

— Объясните мне, пожалуйста, — сказал я старому танцовщику, — что такое менуэт?

Он вздрогнул.

— Менуэт, сударь, — это король танцев и танец королей. С тех пор как не стало королей, не стало и менуэта...

И он начал витиеватым слогом длинный восторженный дифирамб менуэту, из которого я ничего не понял. Я хотел, чтобы он описал мне все па, движения, позы. Он путался, сердясь на свое бессилие, нервничал и приходил в отчаяние.

И вдруг он обернулся к своей дряхлой подруге, все такой же тихой и молчаливой:

— Элиза, скажи, не согласишься ли — это было бы так мило с твоей стороны, — не согласишься ли ты показать вместе со мной этому господину, что такое был менуэт?

Она беспокойно оглянулась по сторонам, затем поднялась, не говоря ни слова, и встала против него.

Тогда я увидел нечто незабываемое.

Они двигались взад и вперед с детскими ужимками, улыбались друг другу, покачивались, кланялись, подпрыгивали, подобно двум старым куклам, которых приводит в движение старый,

немного попорченный механизм, сделанный давным-давно искусным мастером по способу того времени.

Я смотрел на них, и сердце мое волновалось необычайным ощущением, а душа была полна невыразимой грусти. Мне казалось, что я вижу перед собой жалкий и смешной призрак, обветшавшую тень прошлого века. Мне хотелось смеяться, и в то же время я чуть не плакал.

Вдруг они остановились: все фигуры танца были исполнены. Несколько секунд они стояли неподвижно друг против друга, удивительно гримасничая, а затем обнялись, рыдая.

Три дня спустя я уехал в провинцию и больше их никогда не встречал. Когда через два года я вернулся в Париж, питомник был уничтожен. Что случилось с ними без этого дорогого для них сада былых времен, с его лабиринтами, с его ароматом прошлого, с красивыми извилинами грабовых аллей?

Умерли они или еще живы? Бродят ли еще по современным улицам, словно изгнанники, лишенные надежды? Или они – смутные призраки – танцуют призрачный менуэт среди кладбищенских кипарисов при свете луны, вдоль дорожек, окаймленных могилами? Воспоминание о них не покидает меня, преследует, терзает, как незаживающая рана. Почему? Не знаю.

Вам это, вероятно, покажется смешным?

* * *

Напечатано в «Голуа» 20 ноября 1882 года.

Поль Бурже (1852 – 1935) – французский писатель, автор психологических романов и драматург. Посвятил Мопассану несколько критических статей. Его воспоминания о Мопассане см. в книге: Paul Bourget. Sociologie et littérature. P. 1906.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской Neкаýalar